

1961 г.¹ делал все эти заявления серьезными. Зловещая символика ватника в те времена только набирала силу. Лишь через несколько лет мы смогли свободно вздохнуть, когда ватник стал для нас модным предметом одежды. Но он, правда, был иным, чем те *ватники*, которые можно было видеть у московских дворников еще в 1969 г.

Время тоже было иным. Конец 1960-х гг. духовно принадлежал другому миру, чем первые годы этого десятилетия. Где-то в середине десятилетия прозвучал тот низкий и глубокий гул, который Мика Валтари относит к смене времен, как это было, например, при крушении Восточной Римской империи. Дух 1960-х гг. был духом культурной революции, и он обновил взгляд финнов на Россию.

Неверно прочитанная история Зимней войны, или Как Финляндия потеряла Восточную Карелию

Зимняя война — важнейший узловой пункт истории Финляндии. Она была тем святым опытом, который в течение десятилетий служил последним аргументом, использовавшимся для объяснения почти всего другого в финляндской истории. Зимняя война показала всем, что народ Финляндии ценит свою свободу и независимость. Она сделала пустыми все планы сломить нацию силой и продиктовать ей новую и лживую историю. Могли и могут утверждать, что Зимняя война на самом деле была продолжением 1918 г. и его вторым актом, как об этом говорил в самом начале войны Маннергейм. Это все-таки была освободительная война, и сделанное в самом начале Зимней войны ФКП заявление ясно указывало, что в обоих случаях речь шла о нападении большевистской России на Финляндию. В 1918 г. сил было недостаточно, в конце 1939 г. ФКП сочла, что их достаточно, но вопреки всем расчетам она ошиблась.

Зимняя война потребовала, можно сказать с уверенностью, меньше жертв, чем потребовало бы прекращение Финляндией борьбы и добровольное подчинение новой власти. «Комитеты народного фронта» уже использовались в «классовой борьбе» в Финляндии в тех местах, которые были оккупированы Красной армией,

¹ Имеются в виду события 1961 г., когда в переданной финской стороне советской ноте напоминалось о необходимости проведения военно-политических консультаций, предусмотренных договором о дружбе, содружестве и взаимопомощи от 6 апреля 1948 г.

и где осталось население. В случае оккупации всей страны были бы уничтожены десятки тысяч. Представителей потенциальной и действительной оппозиции сгноили бы в Сибири вместе с семьями. И в этом случае речь шла бы не о наказании за что-либо, а о превентивной мере, как это делалось, например в Польше, в которой были уничтожены десятки тысяч. Тем же были бы обусловлены аресты тысяч людей и их казни. Концлагерь в Осташкове, в котором было уничтожено свыше 6000 польских военнопленных, был уже подготовлен для финнов. Как-никак, речь шла о контингенте в 25 000 человек. В этих красивых местах природы, на берегу озера Селигер, проводят сейчас ежегодно свой лагерь так называемые «Наши». Здесь и один финский доцент прочитал лекцию об «антифашистской» деятельности против современных финских буржуев.

Очевидно, что, например, шюцкоровские и активистские круги не приняли бы власти новых комитетов. В этом случае партизанская война и террор приобрели бы особенно большие масштабы. Использование заложников и групповые казни собрали бы богатый урожай. За редким исключением не попавшие в Осташков видные представители общества по инициативе новой власти были бы угнетены, как последыши, и жизнь их родственников была бы тяжела. Возможности роста в новом обществе были бы задавлены.

Но общество не осталось бы без вождей. Человеческий материал, который можно было бы обобщенно назвать бобриковцами, быстро бы нашелся. Крошечная ФКП была бы только его частью. Социал-демократы и всякого рода колеблющиеся леваки оказались бы во главе ликвидационных списков. В кругах интеллигенции, возможно, нашлись бы некоторые доценты и литераторы, леволлиберальные литературные типы, которые были бы очарованы патетическими постановками и преувеличенной риторикой «Страны Советов». Так произошло в Прибалтике. Отношения между людьми были бы полностью отравлены благодаря системе доносительства и энтузиазму всякого рода «классовоборческой» деятельности. Личная неприязнь стала бы важным социальным фактором.

Как бы там ни было, Зимняя война была для Финляндии несчастьем, но оказаться в конце 1930-х гг. или в начале 1940-х гг. под властью сталинского руководства было бы подлинной национальной и человеческой катастрофой. Как показал позднейший пример прибалтийских стран, Финляндия спаслась от многого, став препятствием на пути прихода к власти коммунистов. Это, опять же, стало возможным потому, что Финляндия оказала решительное сопро-

тивление вооруженной агрессии, объектом которой она оказалась. Борьба с самого начала была безнадежной, т. к. у противника явно были большие, чем у кого-либо в мире, включая Соединенные Штаты, вооруженные силы. Но этого в Финляндии не осознавали.

Чудом избежали поражения и оккупации, когда Советский Союз внезапно согласился на мир с буржуазным правительством Финляндии, т. е. в очередной раз признал его законным правительством Финляндии. Когда прежде часто подчеркивалось, что советская власть первой признала независимость Финляндского государства, не забывали добавить, что признания давались и позже. Так, только в 1918 г. это делалось дважды. Повторное было сделано после того, как был разбит признанный советским правительством финляндский Совет народных уполномоченных и когда при посредничестве немцев в августе 1918 г. приступили к переговорам о мирном договоре в Берлине. Весной 1940 г., когда советское правительство согласилось вести переговоры «с так называемым правительством Рюти-Таннера», речь уже шла о третьем признании законным правительства Финляндии.

Зимняя война (имеется в виду вооруженное сопротивление) была, таким образом, спасением для Финляндии — потому, что ее военный исход остался достигнутым только наполовину, и обе стороны согласились на мир. В Финляндии много злоупотребляли темой о том, почему Финляндия согласилась на мир, не приняв помощи союзников. Тогда оставался в тени главный вопрос, почему Сталин согласился на мир. Для него мир был действительно за высоким порогом. Советское руководство вложило в Зимнюю войну так много своего авторитета, что вся его убедительность была брошена на весы, т. к. пришлось бы отказываться от пропагандистской постановки пьесы о финляндской революции и оказании помощи правительству Куусинена. Но на это пошли. Мир был заключен с тем правительством Финляндии, которое еще недавно упоминалось только в кавычках и клеймилось как утратившая поддержку кучка авантюристов, подстрекающая бандитов против собственного народа и помогающей ему Красной армии.

Финны всегда считали условия «московского мира» тяжелыми. Для современников они были просто ужасными, и слова Молотова о том, что они якобы создали хорошую основу для будущих добрососедских отношений, для финских ушей звучали издевательством. Но с точки зрения Советского Союза, очевидно, было невозможно удовлетвориться меньшим. Молотов обосновывал громадность требований тем, что «не по вине Советского Союза»

было пролито много крови. Это само по себе было грубой ложью. Финны прекрасно знали, кто был агрессором, поэтому и звучали в песне слова: «Нет, Молотов, нет, Молотов, врешь больше, чем сам Бобриков!»

Но Молотов был прав в том, что все произошло совершенно иначе, чем хотело и планировало советское руководство. Советские историки — которых еще и ныне можно найти в России — часто подчеркивали, что Зимней войны можно было избежать. Таким образом, та война не была необходимой. Молотов и Сталин явно были того же мнения, они не ожидали войны, по крайней мере, той войны, которая вырвала из списка живых почти 150 000 красноармейцев. Такое кровопускание не могло замять и тоталитарное правительство. Советскому народу следовало дать какую-то компенсацию, и таковой была наша нынешняя восточная граница, граница Петра Великого. Рассекреченные в российских архивах сводки о настроениях населения показывают, что непропорциональность приобретенного и затрат вызывала в Советском Союзе ошеломление. Но Кремль согласился на этот мир, и он был заключен, определенно, с горечью в душе.

Когда мы читаем историю Зимней войны, мы в целом отмечаем, что Финляндия утратила Карелию, но сохранила самостоятельность, заплатив за нее высокую цену. В целом считается, что Советский Союз хотел присоединить всю Финляндию, но получил только ее часть.

Определенно, Советский Союз решил взять под свой контроль вход в Финский залив, чтобы не сделать его театром военных действий. Решил ли он также присоединить к себе Финляндию, это другой вопрос. Вполне возможно, из Финляндии на первых порах сделали бы что-то вроде «народной демократии» рядом с Советским Союзом, вроде Внешней Монголии. Ведь прибалтийские страны не были первоначально присоединены к Советскому Союзу, они «присоединились» к нему в более поздний период; неясно, было ли это решено уже во время пакта Молотова-Риббентропа или решение было принято позже. Во всяком случае, когда Финляндия не согласилась предоставить базы, после короткого давления было решено добиться этого военным путем и совершенно особым способом.

Когда по договору между Молотовым и правительством Куусинена у Финляндии забрали на юге территории на Карельском перешейке вплоть до Койвисто, а также получили в аренду за хорошую компенсацию Ханко, за это дали в Восточной Карелии

царский подарок. Речь уже шла не о двукратной компенсации территории Реполы и Пораярви, предлагавшейся еще на переговорах. Теперь заявлялось, что к Финляндии будут присоединены населенные преимущественно карелами территории Восточной Карелии, которые в силу кровного родства находились в единстве с Финляндией. Тем самым осуществлялась вековая мечта двух родственных народов — финского и карельского. Осуществление этой мечты провозглашалось не только справедливым — что, впрочем, с советской стороны было забыто во время войны-продолжения — но было закреплено государственным договором, который должен был быть по возможности скоро ратифицирован в Хельсинки. Речь, таким образом, шла о создании Великой Финляндии, и это было именно самостоятельное и независимое государство.

Дар был ранее неслыханным в хрониках, что также подчеркивал и Советский Союз. Ни одно капиталистическое государство такого не сделало бы, и поэтому якобы было абсурдно утверждать, что Советский Союз ведет войну против Финляндии. Согласно этой логике, народ Финляндии всегда радовался огромному дару соседа, и только оказавшиеся без поддержки белые бандиты обстреливали красноармейцев.

Но Великий Дар вызывал сомнения, если за него не требовалось большого ответного подарка. Для финнов это было лучшим аргументом за то, чтобы сражаться. Но вступив в борьбу, Финляндия утратила как Карелию, так и Восточную Карелию, которую она получила бы без борьбы. Правда, в этой Великой Финляндии у каждого человека не было бы права «прямо стоять или пасть». Там застрелили бы в затылок, и это знали.

За что сражались в Зимней войне?

То, что финны оказали сопротивление в ходе Зимней войны, разумеется, известный всем факт истории, этим никого не поразишь. Но теперь история такова и кто угодно знает или считает, что знает, дела лучше, чем современники. В России в кругах новых сталинистов Зимнюю войну называют в целом «ненужной войной». Москве нужна была только пара баз, она даже не требовала границы Петра Великого, на которую после войны и больших затрат согласились финны. Некоторые авторы просто умилительно описывают то, насколько трагичным было то, что недалевидная внешняя политика, руководимая, в частности, министром иностранных